

Н. К. Шильдер

Император Павел Первый

**Москва
«Книга по Требованию»**

Н11 **Н. К. Шильдер**
Император Павел Первый / Н. К. Шильдер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 688 с.

ISBN 978-5-458-26851-6

Император Павел I - одна из самых противоречивых и загадочных фигур в ряду российских самодержцев. Его исторический портрет, в зависимости от ракурса и освещения, предьявляет нам и неуравновешенного сумасброда, и любителя масонских лож, и приверженца армейской муштры и жесткой цензуры; и того Павла, который ограничил привилегии дворянства, восстановил систему коллегий, пытался стабилизировать финансовое положение России; и инициатора Манифеста о трехдневной барщине; и Великого магистра Мальтийского ордена. Достоверное, многостороннее изображение жизни и деятельности Павла I попытался дать известный русский историк Николай Карлович Шильдер, генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Эта увлекательная книга написана на основе уникальных архивных материалов, к которым имел доступ автор, служивший директором Императорской публичной библиотеки. Талантливый труд Шильдера отличается тщательным отбором и искусным анализом фактов, точностью и тонкостью исторических оценок. Эта книга - беспристрастный рассказ о жизни императора Павла I, по словам автора книги, "отличавшейся такими трагическими и, можно сказать, гамлетовскими чертами, подобных которым не встречается в жизни ни одного из венценосцев не только в русской, но и во всемирной истории". Богатое художественное оформление книги поможет читателю зримо представить и прочувствовать атмосферу Павловской эпохи.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ БОРИСОВИЧА

ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАГО

ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

Н. ШИЛЬДЕРЪ.

Въ настоящемъ трудѣ я не задавался цѣлью изложить исторію царствованія императора Павла Перваго. Въ виду наступающаго столѣтія кончины этого государя я желалъ лишь набросать краткій очеркъ его жизни, отличавшейся такими трагическими и, можно сказать, гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только въ русской, но и во всемірной исторіи.

12-го марта
1901 года.

Императоръ Павелъ I.
Съ гравированнаго, въ 1799 году, портрета Карделли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ 1744 году, 9-го (20-го) февраля, прибыла въ Москву принцесса Софія-Фредерика Ангальтъ-Цербстская, вызванная въ Россію императрицею Елисаветою Петровною. Эта принцесса предназначалась въ супруги наслѣднику русскаго престола, великому князю Петру Теодоровичу.

Самое смѣлое воображеніе, самый проникательный умъ того времени, конечно, не могли себѣ представить, какое громадное вліяніе на будущія судьбы Россіи должно было имѣть это скромное появленіе въ первопрестольной столицѣ невѣдомой дотоѣ нѣмецкой принцессы. Между тѣмъ оказалось, что въ Москву прибыла представительница будущей славы Россіи, державное воплощеніе забытаго послѣ Петра Великаго русскаго государственнаго эгоизма. Постепенно знакомясь съ новою обстановкой, усвоивая себѣ все значеніе предстоявшей ей въ Россіи исторической роли, принцесса Софія пришла къ заключенію, что она не можетъ относиться къ русскому престолу съ тѣмъ же чувствомъ полного равнодушія, которое вызывалъ въ ней великій князь Петръ Теодоровичъ. Представлявшійся ей сначала неясно образъ получалъ въ ея умѣ съ теченіемъ времени все болѣе точный и осязательный обликъ, и можно сказать, что съ той минуты, какъ эта мысль созрѣла въ умѣ будущей императрицы, она уже никогда болѣе не разставалась съ нею.

28-го іюня (9-го іюля) 1744 года совершено было въ Москвѣ миропознаніе принцессы Софіи-Фредерики—она стала русскою великою княжною Екатериною Алексѣевною, а на другой день, 29-го іюня (10-го іюля), послѣдовало обрученіе ея съ наслѣдникомъ русскаго престола. Бракосочетаніе торжественно отпраздновано было лишь въ слѣдующемъ году, 21-го августа (1-го сентября) 1745 года, въ Петербургѣ. Затѣмъ прошло девять лѣтъ томительнаго ожиданія, и только 20-го сентября (1-го октября)

1754 года великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ. Событіе это, нетерпѣливо поджидавшееся, тщательно подготовленное и радостно встрѣченное дворомъ и всѣмъ русскимъ обществомъ, совершилось въ Лѣтнемъ дворцѣ въ Петербургѣ. Явился, наконецъ, видимый залогъ упроченія новаго порядка вещей, начавшагося съ воцаренія императрицы Елисаветы Петровны; дѣйствительно, могло казаться, что отнынѣ позволительно рассчитывать на нѣкоторое обезпеченіе правильнаго наслѣдованія престола и на прекращеніе дворцовыхъ переворотовъ, омрачавшихъ собою русскую исторію со времени кончины великаго преобразователя. Поэтому неудивительно, что надежды русскихъ людей того времени на лучшее будущее сосредоточились съ 1754 года на колыбели великаго князя Павла Петровича.

Историкъ Екатерины II, останавливаясь на разсматриваемомъ нами событіи, справедливо замѣчаетъ: «Въ данномъ случаѣ это не была семейная радость—это было политическое событіе, полное государственнаго значенія. Елисавета Петровна могла теперь спать спокойнѣе: образъ-дѣтяти-императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденнаго великаго князя; младенецъ, покоившійся въ этой колыбели, являлся опорой трона, не только ограждавшею его отъ случайностей, но, въ случаѣ крайности, представлявшею угрозу своему отцу. Этими соображеніями вполне объясняется восторгъ, возбужденный рожденіемъ первенца у великой княгини»¹.

По существу, событіе 20-го сентября подверглось въ послѣдствіи въ русской исторіографіи различнымъ толкованіямъ; мы же удовольствуемся здѣсь замѣтить: явился сынъ Минервы, и предадимъ забвенію печальную память о его отцѣ. Но въ 1754 году никто или, можетъ быть, весьма немногіе изъ современниковъ могли подозрѣвать, что матерью новорожденнаго великаго князя была Минерва, которой вскорѣ было суждено стать русскою самодержавною императрицей. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе Павла Петровича сразу создало между Екатериною и Россіею новую связь, съ которою черезъ нѣсколько лѣтъ приходилось уже считаться государственнымъ дѣльцамъ того времени, а затѣмъ, подъ вліяніемъ понятнаго нерасположенія къ наслѣднику престола, зародилась екатерининская партія, не лишенная ко времени кончины Елисаветы Петровны нѣкотораго значенія.

Событіе 20-го сентября сопровождалось лично для Екатерины большимъ горемъ, а именно—полнымъ отчужденіемъ новорожденнаго великаго князя отъ матери. Императрица Елисавета Петровна, какъ только прочтены были духовникомъ ея установленныя молитвы, взяла къ себѣ маленькаго Павла, ревниво оберегая съ этой минуты свои попеченія о немъ

¹ В. А. Бильбасовъ: «Исторія Екатерины Второй». Спб., 1890 г., т. 1-й, стр. 275.

отъ всякаго вмѣшательства или даже участія со стороны матери. Екатерина брошена была одна безъ всякой помощи и малѣйшаго призрѣнія, и все это совершилось въ то время, когда дворъ утопалъ въ радости, а за нимъ собиралась ликовать и вся Россія; новорожденный младенецъ всецѣло овладѣлъ вниманіемъ двора, что же касается матери, то она сдѣлала свое дѣло, и всѣ о ней позабыли. Это грубое пренебреженіе къ ней глубоко огорчило Екатерину и никогда не изгладилось изъ ея памяти.

25-го сентября происходили крестины великаго князя Павла Петровича въ придворной церкви Лѣтняго дворца ¹. По окончаніи церемоніи императрица посѣтила великую княгиню и принесла ей на золотой тарелкѣ указъ кабинету о пожалованіи 100.000 рублей. Деньги очень обрадовали Екатерину, такъ какъ, по собственному ея признанію, она имѣла пропасть долговъ и ни копейки денегъ. Но радость ея была непродолжительна: черезъ нѣсколько дней по полученіи ею денегъ, баронъ Черкасовъ сталъ умолять великую княгиню возвратить 100.000 рублей кабинету, потому что императрица требуетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни копейки. Екатерина не замедлила отослать деньги и объясняетъ въ своихъ запискахъ загадку слѣдующимъ образомъ: «Великій князь, узнавъ, что я получила отъ императрицы подарокъ, ужасно разгнѣвался, отчего ему ничего не дали. Онъ съ горячностью говорилъ объ этомъ графу Александру Шувалову; тотъ пересказалъ императрицѣ, которая немедленно повелѣла выдать великому князю такую же сумму, какую я получила; для этого и заняли у меня деньги» ².

¹ Въ описаніи торжества, бывшаго при дворѣ по случаю рожденія и крещенія великаго князя Павла Петровича, читаемъ, что 21-го сентября «поутру отправляемо было всѣмъ духовенствомъ торжественное благодарное молебствіе, а къ вечеру паки приносимы были отъ всѣхъ его императорскому высочеству великому князю нижайшія поздравленія, и того же дня обрѣтающемуся здѣсь римско-императорскому послу графу Эстергазию сдѣлано о семъ формальное увѣдомленіе чрезъ оберъ-церемоніймейстера графа Сантія, съ такимъ присовокупленіемъ, что ея императорское величество, наша августѣйшая самодержица, всевысочайше намѣрена обонхъ римско-императорскихъ величествъ пригласить быть обще съ ея величествомъ воспріемникамъ новорожденному великому князю»... А 25-го сентября «священнодѣйствіе святаго крещенія отправлялъ ея императорскаго величества духовникъ, протопресвитеръ Дубянской, а высочайшею воспріемницею ея императорское величество быть изволила, представляя при томъ же и ихъ величества римскаго императора и императрицу-королеву».

Записки Порошина. С.-Петербургъ. 1881 (изд. 2-е). Стр. 597 и 599.

² По свидѣтельству Екатерины, деньги были ей возвращены въ январѣ слѣдующаго 1756 года. Между тѣмъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1754 года напечатано было, что императрица подарила на крестинахъ великому князю Петру Теодоровичу 100.000 рублей, а великой княгинѣ 100.000 рублей и сверхъ того брильянтовый уборъ на шею и серьги. По поводу послѣднихъ драгоценностей Екатерина пишетъ, что онѣ были такъ плохи, что она постыдилась бы подарить ихъ своей камерфрау.

Послѣ крестинъ Павла Петровича до великаго поста непрерывно слѣдовали празднества: обѣды, балы, маскарады, фейерверки. Они имѣли мѣсто при дворѣ, а также въ домахъ знатнѣйшихъ особъ. Особенно выдѣлился костюмированный балъ у Ивана Ивановича Шувалова, продолжавшійся 48 часовъ ¹.

Скажемъ здѣсь также нѣсколько словъ о великолѣпномъ фейерверкѣ, который былъ сожженъ въ день крестинъ великаго князя.

Россія была представлена на колѣняхъ передъ жертвенникомъ съ надписью внизу: «Единаго еще желаю». Потомъ явилось съ высоты на легкомъ облакѣ окруженное великимъ сіяніемъ Божіе Провидѣніе съ новорожденнымъ принцемъ на пурпуровой бархатной подушкѣ, съ надписью: «Тако исполнилось твое желаніе». Надпись, обращенная къ Елисаветѣ, гласила:

«И такъ ужъ Божія десница увѣнчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала».

Только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина впервые увидѣла своего сына и пишетъ: «Je le trouvai fort beau et sa vue me réjouit un peu». Но по совершеніи очистительной молитвы государыня велѣла тотчасъ снова унести младенца къ себѣ.

Императрица помѣстила новорожденного въ своихъ покояхъ и, какъ замѣчаетъ Екатерина въ запискахъ, «прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами ребенка буквально душили (à force de soins on l'étouffait à la lettre). Его помѣстили въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; покрывали его стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго постилали другое одѣяло изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Впослѣдствіи я сама много разъ видала его такимъ образомъ ложенного; потъ выступалъ у него на лицѣ и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ нѣсколько подросъ, то малѣйшее дуновеніе воздуха причиняло ему простуду и дѣлало его больнымъ. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ множествомъ старушекъ, лишенныхъ всякаго смысла, которыя своимъ неумѣстнымъ усердіемъ причиняли ему несравненно болѣе физическаго и нравственнаго зла, нежели добра».

¹ Графъ А. Р. Воронцовъ въ своей автобіографической запискѣ пишетъ: «Il y eut entre autres un bal masqué dont je me souviens chez le chambellan Шуваловъ, favori de l'Impératrice, qui dura 48 heures et les masques se changeaient. Il y eut aussi alors chez lui une illumination de glaces qu'on admira extrêmement». Къ этимъ воспоминаніямъ графъ Александръ Романовичъ прибавилъ слѣдующія разсужденія: «Leibnitz a eu bien raison de dire que le présent est gros de l'avenir. Qui est ce qui aurait crû alors, en se réjouissant de la naissance de Paul, que c'est un tyran qui naissait pour la Russie». Архивъ князя Воронцова, книга 5-я, стр. 18.